

© 1999 г.

И.П. РУЩЕНКО

**ЛАТЕНТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ НАРКОМАНИИ**

РУЩЕНКО Игорь Петрович - кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры общей социологии Университета внутренних дел (г. Харьков).

В социологии существует стойкий интерес к латентным социальным процессам, связанным с различными видами социальных отклонений. Преступность в целом и ее специфическая составляющая "латентная преступность", эпидемическое распространение наркотиков, алкоголизм, проституция и другие виды девиаций имеют общий эпистемологический корень. Обычно их объединяют в один класс явлений, делая ссылку на отклонение от нормы как основной типизирующий признак. Но нельзя не замечать, что эти процессы протекают по сценарию пьесы "Принцесса Турандот", где одни загадывают загадки, а другие пытаются их разгадать; социальные факты тщательно скрываются и маскируются, действительность порой мифологизируется, а в ответ создаются мощные государственные (и общественные) структуры, которые пытаются сделать ситуацию прозрачной. Нас интересует информационный аспект, момент

искусственного блокирования информации, методологическая и методическая специфика исследовательской работы с этим классом явлений. Вполне допустимо в этом ключе развивать теорию латентных социальных процессов на правах теории среднего уровня. Такая теория может иметь междисциплинарный статус, ибо она весьма полезна для криминологов, юристов, социальных педагогов, социальных работников. В настоящей статье предполагается обсудить ряд аспектов такой теории (уточнение понятия латентности, разработка объяснительной и информационной моделей латентных процессов) и некоторые проблемы методического порядка.

"Классическая" латентность: уточнение понятия

Латентность в науке - нормальное и естественное явление. Научный процесс - это всегда поиск нового и "спрятанного" от наблюдателя, открытие еще неизвестных фактов или формулирование новых идей. Другими словами, без латентности не может быть и науки, иначе происходит повторение уже известного. Однако природа латентности различна, и необходимо определенным образом сузить это понятие.

На наш взгляд, в социальных науках исследователь имеет дело с четырьмя видами латентных процессов. Первый вид - явления "*до востребования*". Например, наркомания у нас до конца 80-х годов игнорировалась как социальная проблема. Соответствующая статистика была ограниченной и для служебного пользования; полевые исследования не проводились (исключение - беспрецедентные работы в 1960-1980 гг. А.А. Габиани в Грузии). Мотивы "укрытия" наркомании от глаз общественности понятны; причины политико-идеологические, ведь было заявлено, что наркомания - болезнь "загнивающего капитализма". Таким образом, явление существовало, развивалось, а интерес к нему отсутствовал, оно откладывалось "до востребования". Теперь изучение проблемы наркотиков востребовано в полной мере, но осталось большое белое пятно - динамика процесса в послевоенный период. Латентность этого типа определяется несколькими факторами: уровнем открытости государства, традициями, социокультурными установками. Во многих странах Востока с традиционным укладом жизни проблемы семейного насилия как бы не существует. Поведение патриарха по отношению к женам, детям, родне не может быть предметом обсуждения за воротами дома. А в Европе и Америке именно гендерные вопросы, проблемы семейного насилия рассматриваются как актуальные темы для общественности, юристов, исследователей. Таким образом, латентность "*до востребования*" - это реальные процессы и проблемы общества, которые из-за искусственных внешних преград, установок, ограничений временно выпадают из сферы науки, но могут быть актуализированы в процессе политических и культурных изменений.

Иной по своей сути является природа "*виртуальной латентности*". Она связана со спецификой процесса научного мышления. Ученый имеет право на гипотезу, смелое и парадоксальное предположение, т.е. "вещь", целиком рожденную его сознанием. Гипотеза автоматически создает латентную ситуацию, которая существует априори и требует дальнейшей проверки, верификации, сличения с действительностью. "Виртуальная" латентность длительное время может выдаваться за действительность, и здесь тоже свою недобрую роль играют политико-идеологические механизмы.

Сознание ученого всегда опережает эксперимент, социолог задыхается без эмпирических данных, статистики, полевых исследований. Вместе с тем, обилие цифр и данных, системы переменных, корреляционные связи могут привести исследователя в замешательство и даже тупик. Это - ситуация информационного коллапса, она характерна тем, что ученый без специальных методик и научных инструментов не может овладеть реальностью. Ситуация порождает "*инструментальную латентность*", когда исследователь "кончиками пальцев" чувствует новый социальный пласт, но до поры до времени он ему недоступен. В этом случае объект исследования превращается в сложную (большую) систему. Собственно само понятие большой системы было пущено в научный оборот для определения гносеологической ситуации, которую

мы обозначали как "инструментальную" латентность. У.Р. Эшби писал, что система "слишком велика", если она превосходит возможности наблюдателя своей сложностью, богатством, например, "он не может наблюдать ее полностью, или управлять ею полностью, или выполнять все расчеты, которые необходимы для предвидения ее поведения" [1, с. 94]. Перед социологами как раз и стоят задачи такого порядка. Массовые общественные процессы имеют все признаки больших систем, а отсутствие эффективных инструментов познания рождает наиболее распространенный вид латентности, с которым сталкивается социолог. Таким образом, "инструментальную" латентность можно определить как следствие отставания методологических и методических средств от характера задач, актуальных для социолога.

Проблема "инструментальной" латентности - общенаучный феномен, формально она актуальна для физиков в той же мере, как и для социологов, но только до определенного предела. В социальных науках необходимо учитывать вещи, которые присущи исключительно обществу - это, во-первых, фактор свободы воли или субъективная составляющая социальных процессов, во-вторых, специфика информационных процессов, а именно - хранение больших пластов информации в сознании агентов этих процессов. Расположены ли последние делиться с кем-либо своей информацией или нет - вот в чем вопрос. На основе этого критерия можно выделить класс социальных явлений, которые объединяет общая гносеологическая ситуация: нежелание субъектов, которые занимаются определенными видами деятельности, быть источниками информации. Так, для преступности и правонарушений является "нормой", когда одна из сторон (виновный субъект) скрывает преступление. Но для некоторых видов преступности такая "норма" распространяется на обе стороны. Это свойственно для коррупции, проституции, весьма распространено в сфере экономических преступлений, а для незаконного оборота наркотиков - почти неизбежное правило. Последнее выступает как преступление без жертвы. Во всяком случае, покупатели, потребители наркоселья таковыми себя не считают, и никто из них не заявляет в милицию о своих покупках... Такую латентность можно назвать "*классической*", ибо она, с одной стороны, способна кумулировать все виды латентности, с другой - является специфичной, она объединяет процессы, которые относятся к общественно опасным и нежелательным явлениям и, как правило, находятся под контролем социальных институтов, государства. Нас "*классическая*" латентность интересует как проблема умышленного блокирования информационных каналов агентами социальных процессов. В дальнейшем под латентными социальными процессами мы будем понимать явления, отвечающие критериям "*классической*" латентности.

Социальное поле как интерпретирующая модель "классической" латентности

Латентные социальные процессы можно интерпретировать в терминах социального пространства и социального поля. С точки зрения этих понятий, социология выступает как социальная топология, которая оперирует картами общества, содержащими в том числе и координаты латентных социальных процессов. Как известно, понятие социального пространства в научный оборот было введено П. Сорокиным по аналогии с пространством физическим. Эта метафора помогла объяснить явление горизонтальной и вертикальной мобильности. Социальное пространство предстает как иерархическая система социальных позиций, каждая из которых соответствует расположению определенной социальной группы. Концепция пространства позволяет определять место человека в обществе, фиксировать социальный статус; оперировать понятием социальной дистанции, определять социальные расстояния; моделировать социальные перемещения в горизонтальном и вертикальном измерениях (восходящая и нисходящая мобильность). Исключительно важен вывод о многомерности социального пространства. Социальное пространство (в отличие от трехмерного физического пространства) является многомерным, "поскольку существует более трех вариантов группиров-

ки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т.п.). Оси дифференциации населения по каждой из этих групп специфичны, sui generis и не совпадают друг с другом" [2, с. 300]. А разве преступность, проституция, наркомания не группируют людей по определенным признакам? Подход Сорокина можно дополнить осями дифференциации, связанными со специфическими видами деятельности (девиантными по своей сути) и особыми позициями-статусами, независимо от того, приняты они обществом или отвергаются, связаны с официальными или неофициальными институтами. Эти оси можно рассматривать как особые социальные поля и соединить подход Сорокина с некоторыми идеями П. Бурдьё. С точки зрения последнего, социальное пространство - это "абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала..." [3, с. 40]. Социальное поле для Бурдьё - способ теоретического моделирования и интерпретации классовых и политических процессов. Вот почему главным признаком поля французский социолог избирает капитал (фактор неравенства) и его распределение. Бурдьё также интересуется инструментальное использование капиталов как способ достижения стратегических целей. Агент, владеющий капиталом, становится не только хозяином социального пространства, но и присваивает определенные физические артефакты. Например, богатый собственник может позволить себе единолично пользоваться парком в густонаселенной зоне: он таким образом оберегает себя от нежелательных социальных контактов; или, наоборот, - агент, используя свой капитал, сближается с себе подобными (клуб для избранных). В отличие от Сорокина, для которого физическое пространство - аналог, удобный для введения понятия "социальное пространство" и не более того, Бурдьё пытается связать обе реальности, справедливо указывая на то, что одно пространство конституируется через другое. Подходы Сорокина и Бурдьё, хотя и разные по своей сути, могут быть использованы для построения модели латентных социальных процессов.

Попробуем сформулировать несколько положений, позволяющих интерпретировать латентные социальные процессы как особый вид подпространства или самостоятельный класс социальных полей.

1. Латентные социальные процессы - особый вид социального поля, типизирующими признаками которого являются: деятельность, связанная с нарушением нормы (общественно-опасные виды девиантного поведения); негативное отношение к указанной деятельности окружения, контроль над деятельностью государственных (общественных) структур; применение санкций, которые рожают мотивы систематического блокирования агентами поля информационных потоков, что в совокупности и создает эффект "темной стороны Луны".

2. Существуют "вход" в поле и "выход" из него, которые определяются в терминах пространства, времени, социального факта. Главный критерий "входа" - социальный факт, связанный с нарушением определенного вида нормы, он дополняется указаниями на время и место совершения действия. Агент может "переходить" из одного подпространства в другое, этот момент поясняет, как "укрытое" от постороннего взгляда поле может существовать наряду с "обычными" полями. Так, агент поля, совершивший 20 минут назад тяжелое преступление (или, попросту, "курнувший травку"), уже успел превратиться в заурядного прохожего или обычного студента, т.е. он несколько раз совершил процедуру входа-выхода.

3. Поле - это совокупность социальных групп и соответствующих статусов, ролей. Например, криминальное поле можно рассматривать как арену, где действуют несколько групп агентов: преступники, жертвы преступлений, свидетели, представители правоохранительных органов.

4. Поле имеет физическую локализацию, оно, например, может быть связано с определенными городскими кварталами или территориями (криминологи составляют спе-

циальные городские карты, где фиксируется частота преступных посягательств), с тем или иным типом помещений (дискотеки, дансинги, где распространяется экстази), технозонами (вокзалы), ландшафтами (дурной славой пользуются городские парки) и т.п.

5. Поле может быть представлено показателями социальной статистики, которые фиксируют общую конфигурацию (например, количество наркоманов в стране); структуру поля, численность групп агентов, действующих "на сцене театра"; динамику или флуктуации поля; социальные факты, составляющие суть вида деятельности.

6. Поля по отношению к информационным критериям могут быть "белыми", "серыми", "черными". "Белые" поля - весьма прозрачны и не могут служить моделью латентных социальных процессов. Так, "белым" полем является метрополитен. Здесь все открыто для наблюдателя, "вход" четко обозначен, поле жестко привязано к физическому пространству, социальные группы и роли хорошо известны, несложно воссоздать информационную модель поля, динамику и флуктуации с учетом времени года или суток. "Серые" поля характерны тем, что информация блокируется, по крайней мере, с одной стороны, она неполная или неточная. Метрополитен может быть не таким уж и прозрачным. Там, например, могут действовать организованные группы попрошайек, находящихся под контролем уголовников: самих нищих не заметить нельзя - скрыта информация об условиях и принципах их деятельности. Наконец, процессы на "черном" поле практически полностью изолированы от постороннего глаза. Коррупция, продажа наркотиков, некоторые виды экономических преступлений не только маскируются, но и совершаются по договоренности сторон. Люди в подавляющем большинстве случаев не разглашают тайны действия. Латентные социальные процессы в информационном отношении относятся к "серым" и "черным" полям. Остановимся более подробно на их информационной модели.

Информационная модель латентных социальных процессов

"Серые" и "черные" социальные поля, с точки зрения исследователя, имеют одно общее свойство - их информационная структура напоминает пирамиду или айсберг, который состоит из надводной и подводной (скрытой) частей. Пирамидальное строение определяется, с одной стороны, массовидностью социально-негативных процессов, с другой - ограниченными возможностями институционального контроля. Поле может быть представлено одной, двумя или несколькими информационными пирамидами в зависимости от выбранного критерия. Чаще всего информационный критерий задают контролирующие структуры. Например, информационными критериями "наркополя" могут быть численность лиц, употребляющих нелегальные наркотики, количество преступлений, совершенных на почве наркотиков либо численность лиц, участвующих в незаконном обороте.

Информационная модель имеет тенденцию расширяться от "света" к "тени". Верхушка айсберга (светлая часть) - это, как правило, официальная, доступная информация об элементах поля, выраженная в различных показателях или сведениях, которые содержатся в документах, текстах. Чаще всего в этой ипостаси выступает официальная ведомственная статистика, отчетная документация, которую ведут контролирующие институты: наркологические службы, уголовная полиция, полиция нравов, институты юстиции, различные министерства и ведомства. Эмпирическим фактом является то, что официальная статистика высвечивает лишь небольшую часть поля. В тени остаются значительные по объему латентные структуры. Мы будем их называть "латентные страты". Они располагаются в порядке возрастания объемов, например, численности агентов и увеличения соответствующих показателей. Такой порядок - отнюдь не плод искусственной классификации или группировки. Очевидно, есть причины более глубокого порядка. Возможно, что главным механизмом образования пирамид является биография, жизненный путь агентов поля. Информационная пирамида - актуальная модель, "моментальная фотография" поля, но по своей сути она отражает временные характеристики в пределах жизни индивидов и поколений.



Рис. 1. Информационная модель "наркополя"

На ступеньках условной лестницы размещаются агенты поля, причем на каждом последующем уровне их общее количество меньше, чем на предыдущем. Так, пробуют марихуану миллионы школьников, студентов, молодых людей, но заболевают наркоманией - на порядок меньше, а попадает на учет милиции или наркологов совсем незначительная доля агентов поля. Эта лестница характерна еще одним - последовательностью ступеней. "Закон лестницы" заключается в том, что предыдущая ступенька является непосредственной причиной для перехода в следующую, более "высокую" группу. Специалисты Колумбийского университета определили, что для тех индивидов, которые в возрасте от 12 до 17 лет употребляли марихуану, вероятность употребления кокаина в 85 раз больше, чем для части молодежи, которая не курила марихуану [4, с. 5].

Проиллюстрируем информационную модель латентных процессов на примерах преступности и распространения наркотиков. На рисунке 1 приведена упрощенная информационная модель "наркополя", построенная по критерию численности лиц, употребляющих нелегальные наркотики. Сегодня верхушка айсберга уже не рассматривается как засекреченная информация, и данные наркологической службы нередко публикуются в открытой печати. В Украине во второй половине 90-х годов общее количество наркоманов, взятых на учет медицинскими учреждениями, достигло 65 тыс. человек, причем не менее 40% от этого числа проживают в трех областях - Днепропетровской, Донецкой, Одесской [5, с. 44-46]. Для сравнения отметим, что в 1958 г. в наркологических учреждениях Украины было зарегистрировано всего 450 морфинистов (другие формы наркомании в послевоенные годы практически отсутствовали), а к началу "перестройки" на учете состояло 25 тыс. человек [6, с. 18, 35]. Правда, рассекречивание информации не изменило механизм регистрации и соотношение "светлой" и "темных" страт пирамиды. Как и ранее, на учет берутся наркоманы не по собственному желанию, а в большинстве случаев через органы милиции. При таком подходе вне статистики остается основная масса наркоманов, причем численность этой страты (по оценкам экспертов), вероятно, в 5-10 раз превышает "верхушку айсберга". Еще более значительными являются последующие группы. Они объединяют так называемых "прозелитов" и "неофитов" - молодежь, которая экспериментирует с психоактивными веществами, погружается в наркокультуру, но к группе наркоманов как таковых не относится. Наконец, самая массовая статистическая общность - группы риска: молодежь, подверженная риску попадания в "продвинутые" страты. Правовая статистика содержит данные о "наркополе" по другому информационному критерию: в 1997 г. в Украине зафиксировано 14587 преступлений, совершенных наркоманами или лицами в состоянии наркотического опьянения, и отмечено 34672 случаев, которые классифицируются как факты незаконного оборота наркотиков [7, с. 47-48].

Криминологи указывают на эффект "воронки", который возникает в процессе учета

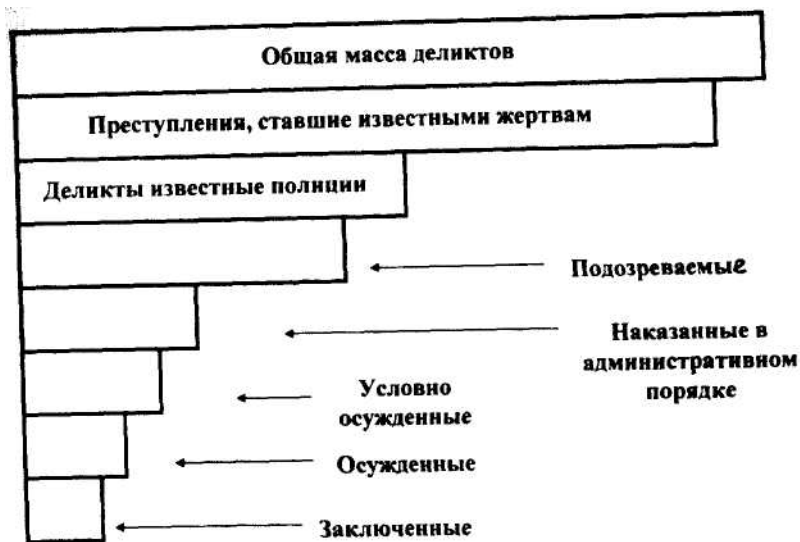


Рис. 2. Эффект "воронки" (перевернутая пирамида)

преступлений и преступников инстанциями формального социального контроля (см. рис. 2). В реальной жизни эта перевернутая пирамида сужается более стремительно, чем показано на схеме, ибо общее количество деликтов, как правило, в сотни раз превышает численность тех, кто отбывает наказание в изоляции. Следует различать преступность как латентный социальный процесс и особую часть преступных деяний, которая у юристов получила название "латентная преступность". Последняя обычно рассматривается как масса деликтов, совершенных на данной территории за определенный отрезок времени, но незарегистрированных органами правопорядка. Латентные преступления условно отпочковываются на всех уровнях "воронки". Если взять за основу всю сумму деликтов, то это будет объем преступлений, который никогда не фиксировался и точно не подсчитывался. В этой сумме всегда присутствует две категории случаев, создающих первоначальный фон латентности: во-первых, деликты, которые не осознаются таковыми иногда не только жертвой, но и самим преступником; во-вторых, "пограничные" случаи, если у потерпевшего нет полной уверенности, что ущерб наступил в результате преступного посягательства (пропажа кошелька, перчаток может быть результатом, как кражи, так и заурядной потери, тем более, когда потерпевший чувствует свою вину - "был навеселе"). Практика и многочисленные исследования показывают, что даже в случае наиболее опасных преступлений далеко не все потерпевшие обращаются в полицию. Коэффициент латентности (отношение заявленных случаев к сумме деликтов, осознанных гражданами) по данным наших полевых исследований [см.: 8] в зависимости от вида преступного посягательства колеблется в широком диапазоне от 1,4 до 12,7 (без учета такого распространенного у нас явления как обвес и обсчет в торговле, где коэффициент достигает 35,7). Такое сокрытие преступлений иногда называют "естественной" латентностью. Далеко не все потерпевшие делают заявление правильно с учетом традиций и сложившейся практики. Только половина случаев из числа заявлений признается как содержащая признаки или состав преступления, затем решается вопрос о возбуждении уголовного дела или рассмотрении факта в административном порядке. На этом этапе появляется латентность, которую криминологи называют "искусственной". Она связана с возможностью искусственного понижения уровня преступности работниками правоохранительных органов, здесь не исключены прямые должностные преступления, в т.ч. путем сговора с преступниками, через коррупцию и т.п. Как видно, долгий путь из "тени" на "свет". Информация о реальном состоянии "поля преступ-

ности" в большинстве случаев остается "собственностью" агентов поля. Найти методы, приемы получения этой информации - не только важная в практическом отношении задача, но и увлекательная научная проблема.

Методы и практика исследований

Информационная модель важна не столько как элемент теории, сколько как путеводитель для социолога-эмпирика, позволяющий находить адекватные методы и планировать полевые исследования. Методы и основные принципы исследования латентных процессов те же, что и в социологии в целом. Тем не менее, есть своя специфика. Главное правило, которым следует руководствоваться - это релевантность методов онтологии латентных страт. Другими словами, каждая латентная страта должна быть исследована с помощью специфических методов, разработанных с учетом характеристик агентов и других обстоятельств. Эту специфику лучше всего раскрывать на конкретных примерах. Автор статьи имеет опыт разработки методик и организации полевых исследований эпидемиологии распространения наркотиков в молодежной среде и по проблеме латентной преступности. Серия исследований проводится Университетом внутренних дел (Харьков), начиная с 1995 года, и в настоящий момент превращается в мониторинг по указанным направлениям. Этот опыт позволяет сделать некоторые обобщения. С чего обычно начинаются подобные работы? Первым и вполне естественным желанием ученого, приступающего к исследованию латентных процессов, является стремление измерить основные параметры поля. Объектом изучения была избрана учащаяся молодежь г. Харькова в возрасте 14—24 лет, т.е. нижняя латентная страта (непосредственно наркоманы в нее практически не попадали, либо их количество в этой группе не является представительным). Использовался метод массового репрезентативного анкетного опроса. Генеральная совокупность составляла около 146 тыс. человек, выборочная - 1000 респондентов. Выборка строилась путем комбинации нескольких методов. Генеральная совокупность типизировалась по признаку вида учебного заведения: средние школы, ПТУ, техникумы и колледжи, высшие учебные заведения. Составлялись списки соответствующих заведений и случайным шагом методом отбиралось конкретные учебные заведения, классы и академические группы. И, наконец, внутри отобранных групп проходило сплошное анкетирование всех присутствовавших на день проведения опроса. В 1995 г., как показали данные опроса, 22% юношей и девушек имели, по крайней мере, 1 пробу наркотика. Повторный опрос в 1997 г. зафиксировал существенный рост всех показателей и, прежде всего, главного - 34% уже пробовали вкус наркотелья.

Данные опросов говорят о том, что использовать один показатель недостаточно. Погружение в наркокультуру происходит ступенчато. Молодых людей, не имеющих ни одной пробы, можно также относить к группе риска, если они имеют контакты с лицами, употребляющими наркотики, присутствовали в компаниях, где курили марихуану, обсуждают тему наркотиков с друзьями, информированы о ценах на черном рынке и т.п. Для того чтобы более глубоко структурировать поле, нами был использован метод вторичной обработки массива анкет, который предполагал присвоение каждому респонденту определенной суммы баллов в зависимости от утвердительных ответов на ряд вопросов. Учитывалось около двадцати показателей, каждый из которых предварительно оценивался в 1 или несколько баллов в зависимости от его веса как фактора вовлечения в наркокультуру. Благодаря этой процедуре поле удалось разделить на несколько групп. 6% опрошенных мы отнесли к "нулевой группе" (от 0 до 3 баллов), 61% - к группам риска (от 4 до 21), которая в свою очередь распадается на три подгруппы (низкого, среднего и повышенного риска); 26% составили так называемые "неофиты" - молодые люди, уже попробовавшие вкус наркотиков, и 7% можно отнести к "прозелитам" - систематически употребляющим разные наркотики. Структура поля в этом аспекте интересна тем, что она раскрывает временной механизм эпидемиологии наркомании, динамику процесса, и соответст-

вующие показатели могут стать предметом мониторинга. Исследовательские работы в стенах Университета удалось активизировать при финансовой поддержке международного фонда INCO-Corpepicus. В частности, появилась возможность спланировать уникальный эксперимент: реконструировать динамику эпидемиологии в послевоенный период путем ретроспективного опроса пяти возрастных групп харьковчан. Опрошены те, кому было 20-24 года соответственно в 1959, 1969, 1979, 1989, 1999 гг. (но в отличие от предыдущей методики, в выборку последней группы включались все категории молодежи - учащаяся, работающая, "праздношатающаяся").

Опыт исследования латентных социальных процессов позволяет выделить несколько специфических черт полевых работ: повышенное "сопротивление" поля; труднодоступность респондентов; некомпетентность респондентов, если вопрос не адаптирован к уровню латентной страты; неопределенность объема и конфигурации латентной страты и связанную с этим проблему репрезентативности; негативное отношение к исследовательской работе контролирующих структур и ведомств, если она заранее не согласована с соответствующими институтами. Сопротивление поля может быть активным (решительный отказ от интервью или анкетирования) и пассивным, когда информация искажается, "лакируется" или, наоборот, респондент бравитует девиантностью. Это особенно характерно для юношеской аудитории. Во время проведения исследования по международной программе регистрации употребления алкоголя и наркотиков среди молодежи ESPAD, в ходе которого социологами Украинского института социальных исследований было опрошено 6680 юношей и девушек в возрасте 15-16 лет, по причине "несерьезного заполнения" выбраковывалось 1% анкет [9, с. 34]. В среде профессионалов бытует мнение, что "если при обычных опросах фактологическая информация, сообщаемая респондентами, совпадает с действительностью в 80-90% случаев, то при изучении девиантного поведения лишь в 40-50% случаев" [10, с. 57].

Полевые работы требуют особой изобретательности и находчивости. В среде криминологов и социологов, изучающих закрытые девиантные субкультуры, существует своего рода спорт и соревнования в данной области. Поле превращается в сцену увлекательной охоты с многообещающими трофеями. Удачливые охотники становятся легендарными личностями, а об их "сафари" пишут в учебниках и хрестоматиях. Например, криминолог Лауд Хэмфрис в начале 70-х годов наблюдал поведение гомосексуалистов в десяти общественных туалетах четырех различных парков крупного американского города. Он брал на себя функцию соглядатая, в обязанности которого входило предупреждать пары о приближении полиции. Включенное наблюдение он дополнил интервьюированием и установил, что 54% гомосексуалистов составляют женатые мужчины, живущие со своими женами. Правда, Хэмфрис подвергся критике со стороны коллег за то, что скрывал свои намерения и вмешивался в личную жизнь гомосексуалистов [11, с. 18]. Конечно, труднодоступность и сопротивление поля можно преодолевать по-разному. А.А. Габани так описывает свой метод опроса наркоманов: "Беседы с наркоманами, находящимися на воле, в основном проводились в подходящих для анонимного интервьюирования помещениях, куда их доставляли по списком работники городских и районных органов милиции" [12, с. 54]. Мы выделили курсивом примечательное место для иллюстрации, что такое социология в тоталитарной стране. Любопытно, что испытывали респонденты, когда их везли в милицейской машине на встречу с профессором? Сам эксперимент Габани в 1960-1970-е гг. является уникальным и впечатляющим, но при всем уважении к личности ученого, его методика может быть объектом критики.

Если обобщить опыт количественных исследований, то можно наметить три основные стратегии: во-первых, осуществление прямых замеров латентных переменных посредством массовых репрезентативных опросов или изучения документов (амбулаторные карты, медицинские и следственные документы и т.п.); во-вторых, учет непрямых факторов, артефактов, разработка различных проекционных методик П. Лазарсфельд приводит пример техники из практики полевых исследований эпохи

Правонарушения с наркотиками, 1995 г. (drug offences)

Страны	Общее количество правонарушений	Коэффициент правонарушений (на 100000 человек)
Франция	56522	100
Германия	103629	163
Италия	30691	53
Голландия	5897	34
Северная Ирландия	216	14
Норвегия	11176	263
Шотландия	9564	187
Швеция	28015	327
Швейцария	32203	469

Источник: [14, с. 14].

"сухого закона". Он пишет: "В то время люди вряд ли бы стали признаваться в количестве потреблявшегося ими спиртного, однако его можно было определить, подсчитав число пустых бутылок в мусорных ящиках" [13, с. 143]. И, наконец, остается метод экспертных оценок, расчетов на основании имеющейся достоверной информации. Вернемся еще раз к информационной модели латентных процессов. Что о них известно социологу априори? Как правило, имеется информация о "верхушке айсберга". Но не следует обольщаться данными официальных статистик. - они противоречивы, неполны и требуют особого "понимания". Понимая статистику, мы фактически раскрываем логику тех, кто разрабатывал ее показатели, и тех, кто наполняет эти показатели эмпирическими данными. Уголовная статистика у нас имеет сильные отпечатки политических событий, кампаний, периодов гласности и ужесточений.

Механизм формирования статистики весьма существен. В странах с давними устойчивыми демократическими традициями он в меньшей мере зависит от личности, субъективного фактора. Однако и здесь не все так просто. Покажем это на примере статистики европейских стран о незаконном обороте наркотиков (см. табл.). Прежде всего, необходимо отдавать себе отчет в том, что в одних странах криминальные происшествия фиксируются на "входе", т.е. по заявлениям граждан или полицейским рапортам (например, в Англии, Уэльсе, Шотландии, Северной Ирландии, Швеции, Голландии), в других - "на выходе", после процедуры предварительного расследования (Франция, Германия, Италия, Швейцария). Естественно, статистика первой группы должна быть выше. Из таблицы видно, что в Германии коэффициент правонарушений с наркотиками в три раза выше, чем в Италии. Однако всем известно, что Германия - это не Боливия и не Колумбия. Да, статистику нужно "понимать". О чем говорит "верхушка айсберга"! Может быть, она является не свидетельством распространенности наркотиков и наркобизнеса, а показателем эффективности работы полиции? Анализируя данные таблицы, необходимо также понять, какая вероятность того, что уличный торговец наркотиками может откупиться от полицейского наряда. Нельзя сказать ничего плохого об итальянской полиции, но вот немецкому полицейскому дать взятку достаточно трудно, и он не поленится предоставить рапорт даже по незначительному происшествию. Подозрительно низким в таблице выглядит показатель мекки наркоманов всего мира - Голландии. Причина состоит в том, что по европейской традиции правонарушения с наркотиками (drug offences) включают две части: во-первых, собственно незаконный оборот наркотиков, связанный с наркоторговлей, наркомафией (drug traffickers); во-вторых, личное потребление наркотических веществ (possession/consumption). Так вот, в Голландии вторая часть вообще не рассматривается как объект правовой статистики. В некоторых странах факты привлечения к

уголовной ответственности мелких уличных торговцев включаются в незаконный оборот (drug traffickers), а в других - нет.

Тем не менее, официальная статистика может служить неплохой основой, если за дело берутся профессионалы. Например, харьковские наркологи предложили интересную методику подсчета больных наркоманией в Украине, используя данные о зарегистрированных наркоманах. Их методика основана на предположении, что любой наркоман рано или поздно попадает на медицинский учет. Необходимо установить дату начала его "карьеры" и в каждый предыдущий год (от момента регистрации) добавить еще одну статистическую единицу наряду с известными данными о наркоманах. В текущем году реальный показатель необходимо рассчитывать с учетом состояния, сложившегося вследствие развития эпидемии 3-4 года назад, поскольку именно таков средний "наркотический стаж" больного на момент выявления. Авторы методики изучили распределение больных по стажу на имеющейся компьютерной базе данных о 39000 пациентов в Украине и провели соответствующие расчеты. Они пришли к выводу, что подлинная болезненность в 1997 г. составит примерно 260000 человек [15].

Количественное измерение имеет свои естественные границы как инструмент познания. После ответа на вопрос "сколько?", наступает время более глубокого анализа и постановка вопросов: "как?", "почему?". Принципиальным для исследования латентных социальных процессов является сочетание количественных и качественных методов. Именно качественные методы могут помочь раскрыть социокультурный механизм распространения наркотиков среди молодежи. Мы проводим биографические интерактивные интервью с наркоманами, чтобы проанализировать "точки бифуркации" - переломные моменты биографии наркомана. Высокую эффективность демонстрируют такие методы как монографическое описание, свободное интервью, биографическое интервью. Так, известный американский криминолог Э. Сазерленд добился уникального результата в области изучения преступной карьеры, "разговорив" одного (всего одного!) человека. Но его респондентом был профессиональный вор с 20-летним стажем преступной деятельности. После верификации данных методом их оценки другими профессиональными ворами и работниками полиции, Сазерленд опубликовал свой труд, который стал классическим исследованием в этой области. П. Дэвид обследовал группу из пяти профессиональных взломщиков, установив, что каждый из них совершал в среднем за год 300 краж со взломом, а изобличен был только после первых 200-300 преступлений [11, с. 20-21]. Не следует пренебрегать и наблюдениями, они могут помочь, например, в типизации. Старший комиссар уголовной полиции Лейпцига А. Палич на основе наблюдений полиции определил роли в местах, где собираются наркоманы [16, с. 34]. И хотя выводы Палича получены не с помощью специально разработанных научных методик, тем не менее, представляют интерес. Он пытается разобраться в процессе, который согласно нашей терминологии относится к "серым" полям.

Материал настоящей статьи не исчерпывает всех аспектов теории латентных социальных процессов, методологии и практики полевых исследований. Теория имеет перспективу развития в том направлении, которое отвечает запросам практики. Развитие эмпирических исследований, конечно, сдерживается не только недостатками методологии, более существенными являются прозаические проблемы поиска финансовой поддержки. Американцы, судя по информации, которую распространяет в Интернете Бюро правовой статистики при Департаменте юстиции США, могут себе позволить 1 раз в шесть месяцев опрашивать около 100 000 своих граждан в 50 000 домовладениях по проблемам преступности и виктимной латентности. Наши притязания более скромные. Но социологам грешно жаловаться на экономический кризис, ибо мы являемся свидетелями, участниками, исследователями уникальных процессов, когда рушатся институционализированные порядки, а на их месте возникают новые. История ставит социальные эксперименты, а социологи должны быть на высоте положения, и никакие ссылки на трудные времена здесь неуместны.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Эшби У. Введение в кибернетику / Пер. с англ. М., 1959.
2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
3. Бурдьё П. Социология политики / Пер. с франц. М., 1993.
4. Інформаційно-аналітичний огляд національної стратегії США щодо контролю за наркотичними засобами на період 1997-1998 років. К., НЦБ Інтерполу в Україні, 1997.
5. Криміногенна ситуація в Україні: оцінка, тенденції, проблеми. К., МВС України, 1997.
6. Селіванов М.П., Хрупна М.С. Антинаркотичне законодавство України. Теорія. Історія. Коментар. К., 1997.
7. Криміногенна ситуація в Україні: оцінка, тенденції, проблеми. К., МВС України. 1998.
8. Рущенко І.П., Соболев В.О., Ярмиш О.Н. Криміногенна ситуація великого міста: методика соціологічного вимірювання // Вісник Університету внутрішніх справ. 1997. № 2.
9. Балакірева О.М., Яременко О.О. Рівень розповсюдження та структура вживання алкоголю та інших наркотичних речовин серед підлітків в Україні: соціологічний вимір. К., 1998.
10. Фоломеева Н.М., Шурыгина И.И., Новикова Н.А., Чекинева Т.В. Опыт применения биографического метода в исследовании проблем наркомании // Наркомания как форма девиантного поведения. М., 1997.
11. Шнайдер Г. Криминология / Пер. с нем. М., 1994.
12. Габьяни А.А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы. М., 1990.
13. Лазарсфельд П. Измерение в социологии // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Метод / Пер. с англ. М., 1972.
14. European Sourcebook of Crime and Criminal Justice Statistics. Strasbourg, Council of Europe, 1995.
15. Первомайский Э.Б., Линский И.В. Реконструкция реальной распространенности опиомании с помощью системы мониторинга эпидемиологических показателей в Украине // Архив психиатрии. 1998. № 1(16).
16. Палич А. Проблемы открытых наркотических явлений в городе Лейпциге - мероприятия саксонской полиции по сдерживанию этих явлений // Проблемы национальной политики России по контролю за наркотиками и международное сотрудничество. Материалы международного научно-практического семинара 24-26 февраля 1998 г. Белгород, 1998.